

"Мой друг (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мой друг

При взгляде на него, у любой девушки в нашем городе возникает только одна мысль - хочу!

Он молодой и богатый. Красивый, стильный. И... холодный. Настоящий ледяной принц.

Любимый персонаж для любого репортера светской хроники.

Некоторым из бесчисленной армии его поклонниц иногда везет. И очередная восторженная фанатка получает возможность удовлетворить потребность своего кумира в банальном сексе.

Ничего большего, никаких обязательств.

Впрочем, назвать его мерзавцем тоже нельзя. О нет, он всегда убийственно честен. И любая особа женского пола, которой выпал шанс побыть рядом с ним, всегда знает, что пройдет всего несколько часов и сказка закончится. Но они, по-прежнему, как мотыльки к огню, стремятся окунуться в его призрачное сияние, не замечая, как в этом замораживающем вихре ломаются их души.

А он, не останавливаясь, проходит дальше - зачем задерживаться долго на одном месте, зачем к кому-то привязываться? И лишь иногда снисходительно-скептическая ухмылка скривит его губы.

Ходят слухи, что он не умеет ни плакать, ни смеяться...

Не помню, кто первый сравнил его с Каем, но теперь все с нетерпением ждут прихода его Герды. И даже вполне серьезно строят догадки, каким же будет это ледяное совершенство, превратившись в живого человека?

Мой лучший друг... И мой злейший враг...

А я еще помню те времена, когда именно он всегда был душой и сердцем любой компании, неисчерпаемым источником вдохновения и радости, источая кубометры позитива. Улыбались его губы, глаза. Он заряжал всех энергией, которой у него было столько, что она буквально была через край и, выплескиваясь наружу, заражала весельем любого оказавшегося рядом.

Странно, что я последний, кто еще помнит его искренний смех. И так уж сложилось, единственный, кто видел его слезы...

Нам было по восемнадцать. Лучшие друзья. Молоды и бесшабашны. Кровь кипела, а весь мир был у наших ног. И мы всегда получали что хотели. Деньги наших родителей давали нам возможность чувствовать себя избранными. Не такими, как все.

Пока не появилась она. Тихая девочка не из нашего круга. В первый момент, увидев ее, мы переглянулись, и как всегда поняли друг друга с полувзгляда. Да, она привлекла нас обоих.

Но вдвоем получить её мы не могли. Её получил он. Мне оказалось достаточно лишь увидеть, какими глазами она смотрит на моего друга, чтобы понять - я в "пролете". И как бы эта девушка не привлекала меня, увы, остается лишь уйти и не мешать.

И даже не было смысла пытаться хоть что-то изменить. Они увидели друг друга, и все другие стали им неинтересны. Это стало понятно сразу. Это витало где-то рядом, разбрызгивая вокруг

флюиды счастья, но мне оставалось только радоваться за них обоих и молча прятать тихую зависть. Именно тогда я поверил, что любовь с первого взгляда существует.

Они буквально искрились, когда были вдвоем. От них шли волны радости и восторга просто оттого, что любимый человек находится рядом. С момента знакомства я не припомню, чтобы они расставались. Он не отпускал ее даже на мгновение. Их взгляды, улыбки, недосказанные фразы, которые они понимали с полуслова, прикосновения... я не мог не смотреть на них, хотя сердце разрывалось от боли. И смотреть я тоже не мог... Мне оставалось только мечтать, чтобы она хотя бы раз посмотрела так на меня...

А потом... Потом я увидел, как выглядит абсолютное счастье. Мой друг, пьяный от нахлынувших на него эмоций, сказал, что у них будет ребенок. Она молчала. Только улыбалась, смущенная его восторгом, которым он, как всегда, спешил поделиться со всем миром.

Его родители были против. У них рушились все планы, которые они строили на будущее. Ему было рано жениться. Они готовили своему мальчику другую жизнь. Вначале учеба, достойное образование, время, для того, чтобы он просто мог пожить для себя, повзрослеть и успокоиться. Да и жену единственного сына они видели вовсе не такой... обыкновенной.

Он перечеркнул все их чаяния одной фразой:

- Я все равно буду с ней!

И ушел из родительского дома, чтобы не вернуться.

Это сложно, отказаться от всего хорошего. Особенно если и не знаешь ничего другого. От денег, от роскоши, от привычки ни в чем себе не отказывать.

Он отказался. Он не думал и не взвешивал - а может? Нет. Решение было принято, и оно не обсуждалось. Для него весь мир поделился на две части - тех, кто поддерживал его поступок, и всех остальных. Первых оказалось намного меньше.

У них не было пышной свадьбы, о которой обычно мечтают девушки. Не было своего жилья. Она была издалека, и ее родители, хоть и не отказывались помочь, не могли это сделать настолько щедро, как он привык. Вариант с переездом в ее родной город даже не рассматривался. Он бросил учебу и пошел работать. Но работа без образования и связей родителей... денег не хватало.

А беременность протекала тяжело. Нужны были средства на лекарства, на аренду жилья, на еду, на транспорт. Бюджет молодой семьи трещал по швам. Его родители не стали забирать ключи от подаренной ему машины. Вот только содержать ее сейчас оказалось ему не по карману. Он рассказывал, что никогда раньше не задумывался, что такие, казалось бы, мелочи копятся в такие неподъемные суммы.

Да, он научился считать каждую копейку. Но как же его это раздражало!

А еще был быт. Рай в шалаше не подразумевал наличие прислуги. А он в жизни не вымыл и тарелки! А тут все лежало на нем. Его жене было строго указано воздержаться от каких-либо нагрузок и лишних передвижений. Она несколько раз попадала в больницу на сохранение. И он мыл, убирал, готовил... он многому научился за это время.

Но это многое было отнюдь не в радость. Его злила работа, напрягал режим постоянной экономии, раздражали домашние дела, и угнетало постоянно отсутствие свободного времени.

А срывался он на ней, на той, которая, конечно же, поймет и простит. Они стали ругаться. Все чаще в её адрес вместо “люблю”, звучало - “достала!”.

Его тянуло к привычной жизни. Со страшной силой хотелось всего того, что составляет жизнь молодых богатых парней. С ностальгией вспоминая свое холостяцкое существование, он завидовал своим друзьям. Их возможностям, их беззаботному веселью, их выборочной ответственности, когда можно думать лишь о себе, любимом...

И он стал по-другому оценивать то, что было у него сейчас, поняв и прочувствовав, чем он за все это заплатил. Конечно, в свое время он мог гордиться красивым жестом - хлопнуть дверью родительского дома! Особенно отрадно было осознавать, что любимая этот жест оценила. Только вот его нынешняя жизнь не была красивой. Она была реальной и тяжелой. Слишком тяжелой для него. А он - слишком гордым, чтобы пойти “на поклон” к своим родителям.

Он был измотан, раздражен, зол на весь мир. И все чаще старался под любым предлогом бывать как можно дальше от скромной квартиры на окраине города, забывая о той, что ждала его дома. Это был ее дом, но не его. Устраиваемое с такой любовью, пусть и временное гнездышко, больше не казалось уютным и родным островком его личного счастья.

Когда нас позвали на день рождения за город, его жена была на уже восьмом месяце. Ее не приглашали. А он и не вспомнил. Даже не потому, что ей нельзя было ехать - опасно с диагнозом: “угроза прерывания беременности”. Нет. Просто ее присутствие рядом с ним заставляло помнить о том, что ради нее он по собственной воле отказался от этой жизни.

Она же почти все время сидела дома. Ей тоже было скучно, грустно и... одиноко. Мало того, что она физически быстро уставала в таком состоянии, ведь с каждым днем незаметно и понемногу, несмотря на все запреты врачей, ей приходилось все больше и больше заниматься домашними делами самой, так ещё и отношения с мужем дали трещину. Она все принимала близко к сердцу, нервничала, её одним небрежно брошенным словом можно было довести до слез.

Их общение свелось к минимуму. Она даже видела-то его не каждый день. Муж был или на работе, или с друзьями...

Я заехал за ним, и ждал, пока он соберется.

Оказалось, он не предупредил её, что уедет. Зная о приглашении больше недели, он не нашел времени ей об этом сказать. Или просто не посчитал это нужным... Он просто поставил её перед фактом. Причем, в последний момент. Как чужого, постороннего человека.

Я видел по глазам, как ей было больно. А когда она робко попыталась напомнить о том, что он обещал хотя бы эти провести выходные с ней, я не стал слушать, ушел на кухню. Мне было стыдно присутствовать при их разговоре.

Но и там я слышал их голоса, обрывки разговора. Она плакала. Просила остаться. Он злился. Не хотел убивать выходные на уборку и готовку. Ведь делать-то все опять ему, ей же нельзя! Он винил её в этом. Она говорила, что он так редко бывает рядом, а ей не хватает его, повторяла, словно молитву, что любит, что он очень ей нужен. И что она не виновата в том, что все вышло так...

Последние его слова... я запомнил их навсегда. Думаю, он тоже.

Он кричал, что ненавидит такую жизнь, свою работу и... её.

Больше он не говорил с женой. Он на нее даже и не смотрел. Его разозлила эта сцена. Она тихо произнесла: “прости”, но он выскочил из квартиры, громко захлопнув дверь.

Она даже не заметила моего присутствия, когда я, оглушенный его словами, растерявшийся от подобной сцены, не предназначенной для посторонних, зашел в комнату, чтобы забрать его сумку, о которой он просто забыл. Сжавшись в комок, она неподвижно сидела на краешке кровати и беззвучно плакала. Я не знал, что принято говорить в таких случаях. В свое время она сама выбрала именно его, а не меня.

Уже сидя в машине, я пытался убедить его вернуться, помириться перед отъездом, быть помягче... Ведь ей сейчас трудно.

“А мне не трудно?! - закричал он. - Как же меня все это достало! У меня сил просто нет! Почему ты жалеешь ее, а не меня?”

Я не знал, что возразить. Ему, “золотому ребенку” обеспеченных родителей, ведь и в самом деле пришлось “падать” ниже обычной девочки, столкнувшись с реалиями обыденности... И я постарался его понять...

А потом он достал телефон и отключил.

“Сейчас проревётся и начнет звонить. Не хочу, чтобы она опять испортила мне весь отдых”, - нехотя ответил мой друг на невысказанный вслух вопрос.

И я малодушно промолчал.

День рождения мог оправдать все надежды. В том числе и его. Там действительно было много того, по чему он так скучал. Может быть, немного отвлекшись, он воспрянет духом, и у них снова все будет хорошо?

Мы вернулись через два дня. Он включил телефон, только когда моя машина подъезжала к его дому. Практически сразу раздалось пикиканье, извещающая о пропущенных вызовах.

“О... всего-то три! Что-то в этот раз мало”.

Его ехидства хватило ненадолго. Его жены не было дома. Вещи, телефон, даже те небольшие деньги, что он ей оставил, были. А ее нет...

Его панический звонок заставил меня вернуться. Он просил меня помочь. Все-таки я был на машине. Мы обзвонили тех подруг, чьи телефоны он нашел в памяти ее мобильного. Объехали тех, чьи адреса он знал. Её нигде не было.

Было видно, что ему страшно. Как заклинивший автомат, он без остановки и почти панически бормотал одно и то же: “Она ушла”.

Все же, несмотря на всю свою злость, усталость, раздражение, представить свою жизнь без нее, он уже не мог.

Когда знакомых адресов уже не осталось, мы вернулись.

Услышав, как он открывает свою дверь, из квартиры напротив выглянула соседка: “Как ваша

жена? Все хорошо?”

Оказывается, ее забрала скорая. Но даже в этой ситуации, она думала о нем, и попросила эту старушку сообщить ему, как только он появится, где ее искать.

Все опять завертелось. Шок сменился отчаяньем, и ... лихорадочной радостью. У него в глазах словно поселилось безумие. Он все торопил меня, хотя и больница была рядом, да и без понуканий я ехал, нарушая все правила.

В приемном покое на вопрос о том, как его жена и ребенок, санитарка отвела взгляд и попросила подождать доктора.

А дальше начался кошмар.

Я боялся, что он убьет врача, который уставшим голосом сообщил ему, что его жена и ребенок мертвы. Было ли врачу все равно? Не знаю... скольким он сообщал такое? Впрочем, мне было не до врача. Мне пришлось схватить моего друга и стиснуть изо всех сил. Он бился у меня в руках, и рычал как смертельно раненый зверь. Врач спокойно вызвал кого-то. Ему вкололи успокоительное. Вскоре он отключился...

Оставить в больнице его не могли, все-таки это роддом. Мне помогли донести его до машины. Представить, что с ним будет, если он очнется один в их квартире, было страшно. И я позвонил его отцу, предупреждая о том, что привезу его к ним домой.

Они не спрашивали, но я рассказал им все. Даже то, о чем им, наверное, и не хотелось знать. Не информируя, а обвиняя. Тогда, да и теперь тоже, я считал, что их вины в случившемся не меньше, чем его. Пусть они были против свадьбы. Они хотели преподать урок сыну, но их внучка должна была родиться буквально через месяц...

Наука оказалась слишком жестокой. Его мать разрыдалась, и отец увел её в соседнюю комнату.

Когда он пришел в себя, была уже глубокая ночь. Он молчал, просто открыл глаза, и смотрел в потолок. Без единого движения. Было ощущение, что здесь осталась лишь его оболочка.

Он не видел и не слышал меня. Не замечал. Его глаза были пусты. Привлечь его внимание к себе я смог, лишь заговорив о том, что её тело в морге.

На следующее утро его отец заикнулся было о том, что ему не надо бы сейчас туда ехать, и что похоронами займутся профессионалы, которые уже наняты. А ему следует постараться прийти в себя. Понятно, что произошла трагедия, но надо понимать, что жизнь на этом не заканчивается... Но, под пустым взглядом сына, умолк и опустил глаза.

Я не узнал её. Эта серая кожа, это потерявшееся под простыней застывшее навсегда тело, запавшие глаза, на неожиданно худом и каком-то чужом лице...

А он смотрел на неё, как на божество. Сухие глаза лихорадочно блестели. Он буквально ласкал её, со щемящей нежностью скользя рукой по лицу, шее, перебирая потускневшие пряди волос.

Мне стало страшно. Он не пророни ни слезинки, но при этом что-то бессвязно шептал.

Называл её самой красивой, самой любимой, самой желанной...

Работник морга, наблюдавший эту сцену, скривил губы и отвернулся.

Из неприветливого помещения подвала больницы мне пришлось уводить его почти силой.

Это были шикарные похороны. Его родители настолько откровенно пытались откупиться от угрызений совести, что мне было противно, до тошноты. Все то, что его мать и отец пожалели при жизни, они вложили в уже ненужное действие.

Какая теперь ей разница, в обычном гробу она лежит, или нет? Их сыну точно не будет легче оттого, что на ее последнее пристанище потрачено больше денег, чем он смог заработать для нее, когда она была еще живой. А огромное количество цветов? Они ведь уже не вернут румянец на бледные щеки и не заставят радостно блестеть глаза... Скорее напомнят живому, о том, что при жизни она слишком мало видела их от него.

Он молча стоял рядом с гробом, одним на двоих. Для нее и их дочери. Маленький сверток из нежных воздушных кружев на ее груди, личико прикрыто углом пеленки...

Его глаза опять были сухими. Только побелевшие от судорожного усилия пальцы, которыми он держал ее за ледяную безжизненную руку...

Он запретил прощальные речи. Разрешил только священника, потому что она верила в Бога. Священник был для неё. А все остальное было для других. Он видел всю фальшь происходящего, остро чувствовал её. И, едва в землю опустили красивый богатый гроб, он развернулся и ушел.

На пышных поминках его не было.

Первое время он часто бывал на кладбище. Слишком часто. Однажды я поехал туда за ним по просьбе его отца.

Именно тогда я увидел его слезы. Первый раз в жизни. Он стоял на коленях у могилы. Меня он не увидел, шагов не услышал. Зато я слышал его шепот.

“Прости... Никогда, ты слышишь... Никогда я не ненавидел тебя. Я любил и люблю... Тебя и нашу девочку... Я ненавидел только себя. За то, что не дал тебе того, что был должен. За то, что не смог быть сильным. Ты была смыслом моей жизни, родная...”

Я ненавидел его. За то, что случилось. За то, что ее больше нет.

Но, услышав эти слова, я понял, что всегда буду рядом с ним. И не только в память о ней, нет. Потому, что он действительно по-настоящему сильно любил. И пусть его вина несомненна, никто не накажет его сильнее, чем собственная совесть.

На кладбище вслед за ним я больше никогда не ездил. Хотя знаю, что он по-прежнему часто бывает там.

Даже его родители считают, что он уже в порядке. Просто их мальчик повзрослел.

Окружающих не пугает его безучастный взгляд, с которым он взирает на все и всех. Всем кажется, что это такой вызов, игра. Что рано или поздно найдется счастливица, которой повезет, и она сумеет разбить окутывающий его ледяной панцирь безразличия.

Всем интересно увидеть, каков же будет главный приз выигравшей дистанцию в этой затяжной гонке за его сердцем.

Вот только той, кому он сам его вручил, уже никогда не будет с ним рядом.

А остальные ему просто не нужны...

mir-knigi.org